

УДК 343.9; 34.07**Постпенитенциарный рецидив как показатель эффективности
уголовного наказания в виде лишения свободы****Филоненко Татьяна Викторовна**

Кандидат юридических наук,
декан факультета профессиональной переподготовки
и повышения квалификации,
Дальневосточный юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ,
690091, Российская Федерация, Владивосток, ул. Суханова, 8;
e-mail: Filonenko@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному анализу постпенитенциарного рецидива в качестве показателя эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы. В рамках исследования рассматриваются теоретические аспекты целей уголовного наказания, проводится анализ статистических данных о рецидивной преступности, выявляются основные проблемы в сфере исполнения наказаний и постпенитенциарной адаптации осужденных. Автор ставит перед собой цель оценить взаимосвязь между эффективностью лишения свободы как вида уголовного наказания и уровнем постпенитенциарного рецидива, а также разработать рекомендации по постпенитенциарному сопровождению лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные и специальные методы познания, включая анализ нормативно-правовых актов, статистический анализ, сравнительно-правовой метод и метод системного анализа. В результате исследования автор приходит к выводу, что постпенитенциарный рецидив является ключевым показателем эффективности лишения свободы как вида уголовного наказания, однако его оценка должна включать факторы социальной адаптации и ресоциализации осужденных.

Для цитирования в научных исследованиях

Филоненко Т.В. Постпенитенциарный рецидив как показатель эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 11А. С. 472-484.

Ключевые слова

Постпенитенциарный рецидив, эффективность лишения свободы, постпенитенциарная адаптация, уголовное наказание, цели уголовного наказания.

Введение

Проблема эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы является одной из ключевых в современной криминологии и уголовно-исполнительном праве. По нашему мнению, значение постпенитенциарного рецидива в качестве критерия эффективности лишения свободы является недооцененным и неизученным в российской криминологии.

Целями уголовного наказания являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предотвращение совершения новых преступлений (ст. 43 Уголовного кодекса РФ). Эти цели являются общими для всех видов уголовных наказаний, в том числе и для лишения свободы.

Лишение свободы является самым строгим из видов уголовных наказаний, следовательно, ожидается, что оно должно быть и самым эффективным. Суды выносят приговоры о назначении наказания в виде лишения свободы в тех случаях, когда перечисленные в законе цели не могут быть достигнуты посредством иных уголовно-правовых санкций, которые не предполагают изоляцию лица в стенах исправительного учреждения.

Основная часть

По данным статистики, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, всего к лишению свободы на определенный срок в 2023 году были осуждены 161 127 человек, к условному лишению свободы приговорены 30 757 человек. В 2022 году показатели таковы: в отношении 167 165 человек вынесены приговоры о реальном лишении свободы, а 38 339 человек суд направил отбывать лишение свободы условно. Количество осужденных к отбыванию наказания в местах лишения свободы в 2023 году снизилось примерно на 4%, к условному лишению свободы – примерно на 19%. «Лидерами» по частоте совершаемых преступлений и назначению наказания в виде лишения свободы стали составы, закрепленные в главе 21 УК РФ «Преступления против собственности»: 73 185 преступлений в 2023 году (44% от общего числа) против 77 480 преступлений в 2022 году. Второе место занимают составы из главы 16 УК РФ «Преступления против жизни и здоровья»: 21 562 преступления в 2023 году (13% от общего числа наказаний) против 21 846 – в 2022 году [Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год, www].

Из анализа данных портала «Судебная статистика РФ», представленных Агентством правовой информации, становится очевидно, что лишение свободы превалирует над другими видами уголовных наказаний. Так, в 2023 году штраф назначен в 77,7 тыс. случаев, исправительные работы – в 47,5 тыс. случаев, обязательные работы – в 78,3 тыс. случаев. За предыдущие годы (2020–2022) количество назначения разных видов уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, несущественно менялось – в пределах 5-10 тыс. случаев; лидером же оставалось лишение свободы [Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК, www].

В.А. Маслов проанализировал данные о назначении уголовных наказаний, взяв за основу статистику за 18 лет: с 2003 по 2021 год. Из проведенного исследования видно, что в период с 2005 по 2021 год прослеживается тенденция к снижению количества осужденных к лишению свободы: значение в 302 тыс. человек в 2005 году с некоторыми отклонениями и периодическими незначительными скачками роста показателей к 2021 году превратились в 159

тысяч. Причем уровень условного осуждения к лишению свободы практически сравнялся с реальным отбыванием наказания в исправительных учреждениях, в то время как ранее соотношение этих видов наказаний составляло от 0,5 до 2,5 раз в пользу условного осуждения. На основе комплексного анализа эксперт утверждает, что исследуемый вид уголовного наказания по количественным показателям имеет приоритет у судей при выборе мер уголовной ответственности несмотря на очевидное «снижение удельного веса лишения свободы» [Маслов, 2023].

В России говорить об эффективности уголовных наказаний достаточно сложно ввиду отсутствия самой категории эффективности: теоретики не сформировали единую дефиницию, способы и критерии ее оценки. Еще в начале 2000-х годов известный правовед В.М. Сырых писал, что исследованием эффективности практически не занимаются ввиду изменения правовой системы в России и затратности таких исследований [Сырых, 2004] – этот тезис остается верным и до сих пор.

В уголовно-правовой сфере понятие «эффективность» рассматривают с самых разных сторон, подстраивая его под частные задачи. Например, исследуется эффективность уголовно-правового регулирования [Базаров, Воропаев, 2017], уголовной политики [Цепелев, 2014], уголовного закона [Авдеев, 2013], уголовной ответственности [Дворецкий, 2008], уголовно-правовых норм [Кузнецов, 1981], системы уголовных наказаний [Тарбагаев, 2014], уголовного наказания [Варыгин, Бытко, 2019], исполнения отдельных видов наказания [Бикситова, 2006], реализации отдельных целей наказания [Стромов, 2006], судебной практики [Минская, 2009].

Эффективность наказаний также определяется в доктрине неоднозначно. Одни авторы предлагали ее определять через уровень обеспечения безопасности общества [Яковлев, 1964], другие – как достижение целей наказания через воздействие на личность осужденного [Наташев, 1967], третьи – через соотношение целей наказания и финансовых затрат, понесенных для их достижения [Бытко, 2010].

В теоретико-правовой доктрине самой распространенной является позиция, в соответствии с которой эффективность оценивается как соотношение поставленных целей и достигнутых результатов. Исходя из этой концепции как методологической предпосылки, эффективность уголовного наказания следует определять через достижение трех целей, закрепленных в ст. 43 УК РФ, в процессе исполнения наказаний.

Оценить, насколько действенно и эффективно уголовное наказание, можно только руководствуясь конкретной информацией о результатах достижения закрепленных в УК РФ целей. Однако однозначно определить результат по каждой из целей нельзя – нет четкого списка критериев, по которым можно было бы провести анализ. Определить, насколько человек осознал недопустимость противоправного поведения во вне, изменил свое отношение к закону и социуму, невозможно. Также как невозможно гарантировать, что проведение всех предписанных в рамках исправления осужденного мероприятий принесет желаемый результат и лицо сможет соответствовать новым для себя общественным критериям. Аналогичная ситуация и с достижением социальной справедливости: это понятие очень размытое, не имеет единообразной трактовки, и достоверно установить, что социальная справедливость восстановлена, не представляется возможным.

По мнению некоторых экспертов, с которым мы полностью согласны, объективно оценивать можно лишь качество проводимых в исправительных учреждениях мероприятий, направленных на ресоциализацию осужденных, а также поведение лиц, пребывавших в

изоляции, после освобождения [Бытко, 2015]. Под поведением лиц, отбывших наказание, в данном контексте понимается совершение ими противоправных действий после освобождения. При исследовании последствий назначения уголовного наказания в отношении несовершеннолетних С.М. Фролова отметила, что показателем того, насколько мера государственного принуждения была эффективна, может служить отсутствие совершения новых преступлений в период отбывания наказания и после освобождения [Фролова, 2012]. Аналогичную мысль высказывал еще в 80-е годы XX века Д.М. Шаргородский, предлагая в качестве критериев оценки эффективности уголовного наказания рассматривать динамику рецидива преступлений (эффективность индивидуального предупреждения) и динамику преступности (эффективность общей превенции) [Шаргородский, 1973].

Поэтому, в частности, эффективность лишения свободы как вида наказания будет проявляться, среди прочего, в минимизации количества преступлений, совершенных лицами после освобождения из мест лишения свободы [Филоненко, 2022]. Критериями оценки эффективности уголовного наказания, в том числе лишения свободы, можно считать объективные статистические показатели, характеризующие состояние преступности в конкретный период: данные о субъектном составе лиц, совершающих преступления, количество и составы преступлений и т.д. Применительно к отдельному лицу критерием эффективности уголовного наказания будет совершение либо несовершение им нового преступления после отбытия наказания, то есть постпенитенциарного рецидива. Именно поэтому столь важно наличие на общегосударственном уровне механизма учета постпенитенциарного рецидива [Филоненко, 2023].

Изоляция от общества, положенная в основу лишения свободы, характеризуется как наиболее действенное средство предупредительного воздействия [Хараев, 2016]. Она выполняет и карательную функцию, ограничивая преступника в получении социальных благ, и ограждающую – исключая опасный элемент из социума. В.Е. Южанин отмечает, что изоляция – центральный элемент санкции, а иные ограничения – ее следствие [Южанин, 2016].

Содержание изоляции осужденного в соответствии с нормами уголовно-исполнительного права составляет весь комплекс правоограничений, выраженный в режиме исполнения и отбывания наказания в конкретном виде исправительного учреждения. Предполагается, что именно лишение свободы может спровоцировать необходимые личностные изменения, в том числе сформировать линию поведения, одобряемую обществом [Анфиногенов, 2018].

Кроме целей, общих для всех видов уголовного наказания, некоторые авторы выделяют специфические цели, присущие исключительно лишению свободы: изоляция субъектов, практикующих общественно опасное поведение, от общества в целях защиты членов последнего; ограничение нарушителей уголовного закона в праве использования благ, доступных другим членам социума, в целях сдерживания; реабилитация лиц, совершивших преступление, в целях исправления [Трунцевский, 2021].

В этом и заключается основное противоречие, которое обсуждают в научном сообществе: преследуя цель скорректировать поведение преступника и сделать из него законопослушного члена общества, государство фактически принимает абсолютно противоположное этим задачам решение – изолирует человека от среды, к существованию в которой он должен подготовиться [Кальченко, 2021].

Основная критика эффективности уголовного наказания в виде реального лишения свободы связана с диссонансом между внутренними процессами и поставленными целями.

Мероприятия, реализуемые сотрудниками исправительных учреждений, должны быть направлены на ресоциализацию осужденных, изменение из социальных установок, адаптацию изолированных лиц к последующему возвращению в законопослушный мир, однако условия изоляции сами по себе могут оказывать негативное влияние на личность человека.

Призонизация – одно из негативных последствий длительных периодов пребывания осужденных в условиях принудительной изоляции, которое нивелирует эффект от лишения свободы. Термин означает дефект правосознания, который может формироваться у лиц, приговоренных к реальному лишению свободы. Социальная структура тюремного социума представляет собой собственный мир внутри ограниченного пространства. Образующаяся в рамках исправительного учреждения субкультура фактически заменяет для осужденных государственную правовую систему: у членов сообщества свои правила и традиции, а «понятия» становятся эталоном для формирования поведенческих установок. Система норм, которой подчиняются осужденные, идет вразрез с общепринятыми нормативно-правовыми предписаниями, полностью заменяет их.

После освобождения те, кто подвергся эффекту призонизации, испытывают большие трудности с адаптацией к реальной жизни, где нужно работать и зарабатывать, получать социальные блага путем общения с государством, выполнять обязанности, присущие законопослушному гражданину, например, оплачивать налоги и штрафы. Для них государство – исключительно инструмент принуждения, а такая установка способствует отказу от взаимодействия с госструктурами для организации жизни на свободе.

Исследователи отмечали, что в процессе длительной изоляции от общества лицо перестает воспринимать помещение в такие условия, как наказание, желание выйти на свободу все больше обесценивается [Анисимков, 2013]. Такие осужденные становятся приспособленцами – они ощущают себя в стенах исправительного учреждения как дома и могут даже проявлять себя как образцовые заключенные [Поздняков, 2017].

Представляется, что указанные недостатки лишения свободы основываются на несовершенстве системы исполнения уголовных наказаний. Ранее мы упоминали дефиницию «эффективность исполнения уголовных наказаний»: она предполагает оценку качества работы исправительных учреждений, например, по ресоциализации осужденных. Жизнь в условиях изоляции характеризуется строгими ограничениями – на протяжении нескольких, а то и десятков лет приговоренные к лишению свободы приспособляются к новым условиям, и всего полгода отводится на то, чтобы «научить» их жить на свободе. Мы абсолютно согласны с утверждением, что даже если сотрудники исправительных учреждений будут добросовестно выполнять свои обязанности и полностью отдаваться этой деятельности, за этот срок нельзя провести обратную адаптацию. Кроме того, качество работы с осужденными в местах лишения свободы можно также считать фактором, определяющим эффективность уголовного наказания в целом: послабления со стороны администрации в отношении «привилегированных» осужденных, коррупция, случаи жестокого обращения и злоупотребления положением со стороны сотрудников УИС нивелируют все меры, направленные на ресоциализацию.

Все изложенное говорит о том, что оценивать эффективность уголовного наказания вне связи с факторами, определяющими успешную ресоциализацию осужденных и возвращение их к «нормальной» жизни после отбытия наказания в местах лишения свободы, малопродуктивно. Выйдя из мест лишения свободы, гражданин сталкивается с огромным количеством трудностей и отсутствием ресурсов для успешной социализации: это отсутствие жилья, средств к

существованию, необходимых документов, востребованных профессиональных навыков у лиц, освободившихся из исправительных учреждений. Отсутствие социальных связей, потерянных за время нахождения в исправительном учреждении, негативное и (или) равнодушное отношение окружающих усугубляют ситуацию и делают преодоление трудностей социально приемлемыми способами практически невозможным.

В таких условиях ранее судимый гражданин закономерно и достаточно быстро возвращается к привычным способам противоправного поведения, но не потому, что имеет соответствующую мотивацию, а лишь из-за сложностей постпенитенциарной социализации. Получается, что отсутствие работающей системы постпенитенциарной адаптации обнуляет эффект от исправительной и профилактической работы в рамках уголовно-исполнительной системы.

С другой стороны, справедливо и обратное: какой бы эффективной и человекоориентированной ни была система ресоциализации осуждённых, созданная в конкретном государстве, она не сможет переселить сформированное под влиянием криминальной субкультуры правосознание и осознанную мотивацию к преступной деятельности как результат непродуктивной организации исправительной системы. Эти две системы – пенитенциарной и постпенитенциарной социализации осуждённых – способны «умножать на ноль» эффективность друг друга.

Интересные результаты о характеристиках рецидивной, в том числе и постпенитенциарной, преступности можно получить, обратившись к анализу сводной статистической отчетности МВД РФ на предмет совершения повторных преступлений за период с 2020 по 2023 год.

Согласно данным министерства, за 2020 год больше половины – 59,8% – расследованных преступлений совершено лицами, ранее совершавшими преступления. Из 152,5 тыс. лиц, совершивших преступления, удельный вес ранее судимых лиц составил 29,9%, что на 0,3% больше, чем в предыдущем году. Из общего числа преступников 63,9% совершали преступления, не имея постоянного источника дохода [Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года, [www](#)].

В 2021 году из выявленных 848,3 тыс. лиц ранее совершали преступления 60%. Удельный вес ранее судимых лиц составил 30,1%, что на 0,2% больше, чем в прошлом периоде, а удельный вес не имевших постоянного источника дохода – 64,1%, по сравнению с 2020 годом рост составил 0,2% [Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года, [www](#)].

В 2022 году из 819 тыс. выявленных лиц, совершивших преступление, 60,4% ранее были замечены в преступной деятельности. Удельный вес тех, кто ранее был судим по уголовным статьям, составил 30,8%, что на 0,7% больше, чем в 2021 году. 64,9% преступников преступали уголовный закон, не имея постоянного источника дохода, – этот показатель вырос на 0,8% в сравнении с 2021 годом [Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 год, [www](#)].

В 2023 году количество выявленных лиц, совершивших преступления, стало значительно меньше – 750,5 тыс. человек, из которых 59,8% нарушали закон ранее. Удельный вес ранее судимых из общего числа составил 31,2%, что на 0,4% больше, чем в 2022 году. Имели финансовые трудности на момент совершения преступления лица, удельный вес которых в общей массе 63,7% – отмечается снижение на 1,2% по сравнению с предыдущим периодом и на 0,2% по сравнению с 2020 годом, имеющим наименьший показатель в сводке [Краткая

характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года, www].

Тенденция сохраняется и в 2024 году: по данным МВД РФ за период с января по апрель 2024 года, больше половины преступников (57,6%) – рецидивисты, удельный вес ранее судимых из общего числа (240,9 тыс. лиц) составляет 30%, не имели постоянного дохода на момент совершения преступления – 61,9% [Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - апрель 2024 года, www].

Данные сводной статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период с 2021 по 2023 год демонстрируют примерно одинаковые показатели рецидивной преступности. Тенденция к снижению прослеживается, но ее нельзя назвать значительной.

В 2021 году из 565,5 тыс. осужденных у 212,6 тыс. есть неснятая или непогашенная судимость на момент совершения преступления. У 50 тыс. человек уже есть две судимости, у 51,4 тыс. – три и более. В отчете отмечено, что преступление признано совершенным при рецидиве в 86,7 тыс. случаев, при опасном рецидиве – в 12,8 тыс. случаев, при особо опасном рецидиве – в 4,9 тыс. случаев [Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год, www].

В 2022 году из 578,7 тыс. осужденных совершили преступления, имея непогашенную или неснятую судимость 214,1 тыс. человек. У 49 тыс. уже имелись две судимости, у 54,3 – три и более. При рецидиве совершили преступления 85,6 тыс. человек, при опасном рецидиве – 12,7 тыс. человек, при особо опасном рецидиве – 5 тыс. человек [Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год, www].

В 2023 году из 555,7 тыс. осужденных 207,5 тыс. имели на момент совершения преступления непогашенные или неснятые судимости, у 46,8 тыс. из них – две судимости, у 57 тыс. – три и более. Из общего числа признаны совершившими преступления при рецидиве 82 тыс. человек, при опасном рецидиве – 12,7 тыс. человек, при особо опасном рецидиве – 5,1 тыс. человек [Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год, www].

Цифры говорят сами за себя: рецидивная преступность остается самой распространенной и наиболее опасной группой преступлений. Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывает, что количество рецидивистов при условии снижения общего числа осужденных остается примерно на одном уровне: неснятая и непогашенная судимость по состоянию на 2023 год есть у 37% осужденных, на 2022 год – 36,9%, на 2021 год – 37,6%. При этом в конце 2023 года министр юстиции Константин Чуйченко, подводя итоги, заявил, что 43% осужденных в течение трех лет после отбытия наказания становятся рецидивистами. Новые преступления в первый месяц совершают 9%, в первый год – 20-23% лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость [Минюст заявил, что до 43% отбывших наказание в течение 3 лет совершают новое преступление, www].

При этом очевидны некоторые тенденции.

Во-первых, большая часть преступлений, приходящихся на долю лиц, ранее совершавших преступления, не относится к группе тяжких и особо тяжких. По данным МВД РФ, лицами, ранее совершавшими преступления, в 2023 году совершено 132 100 тяжких и особо тяжких преступлений, что составляет 22,15 % от общего количества преступлений в этой группе [Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года, www].

По данным Судебного департамента за 2023 год, большая часть преступлений – 48,9 % – приходится на преступления небольшой тяжести, и только 6,6% от общего количества составили приговоры за особо тяжкие преступления. Во-вторых, среди совершенных преступлений лидируют такой состав преступления, как кража (ст. 158 УК РФ, ч. 2 и ч. 3), – 106 285 и в целом преступления против собственности – 218 870 [Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год, www].

Анализ статистики свидетельствует в пользу довода о том, что рецидивная преступность в значительной (и, очевидно, в большей) степени обусловлена имущественным положением лиц, освободившихся из мест лишения свободы, а также всем комплексом трудностей, с которыми они сталкиваются в период постпенитенциарной адаптации.

Показатель количества лиц, совершивших преступление повторно, за последние четыре года остается на уровне выше 60%, наблюдаются незначительные колебания в сторону роста и падения, однако в целом он остается стабильным. Случаи рецидива входят в общую статистику преступности – анализ категорий показывает, что преимущественно по второму разу совершаются преступления, связанные с финансами и имуществом. Полагаем, между имущественной несостоятельностью лиц, отбывших наказание, их неспособностью организовать нормальную жизнь, и этими обстоятельствами есть прямая связь. А это еще один довод в пользу острой необходимости развитой системы постпенитенциарной адаптации осужденных в России.

В России отсутствует механизм учета постпенитенциарного рецидива, поэтому приходится ориентироваться на общие сведения о рецидивной преступности и данные научных исследований. По разным методикам подсчета показатели постпенитенциарного рецидива составляют 60–61%, либо же 27% для колоний строгого режима и порядка 80% для колоний общего режима [Филоненко, 2023].

По данным исследователей, лица, освободившиеся из мест лишения свободы, испытывают наибольшие сложности в следующих направлениях: во-первых, сбор необходимых документов; во-вторых, помощь в трудоустройстве; в-третьих, обретение места жительства; в-четвертых, восстановление социальных связей [Шамсунов, Егоров, Корнев, Новиков, 2021].

Эти сложности можно назвать основными причинами совершения постпенитенциарного рецидива. Еще одной причиной является низкая эффективность лишения свободы как вида уголовного наказания с точки зрения достижения цели предупреждения повторного совершения преступлений. Поэтому постпенитенциарный рецидив нельзя рассматривать как абсолютный показатель эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы, ведь его практически невозможно учесть «в чистом виде», без учета влияния сложностей постпенитенциарной адаптации. Постпенитенциарный рецидив может свидетельствовать как об эффективности (неэффективности) лишения свободы как вида уголовного наказания, так и об эффективности (неэффективности) постпенитенциарной адаптации.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значительную теоретическую и практическую ценность для криминологической науки и пенитенциарной практики.

Во-первых, требуется пересмотр подходов к организации исправительного процесса в

местах лишения свободы и разработка новых механизмов ресоциализации осужденных. Статистический анализ рецидивной преступности за период 2020–2023 годы демонстрирует устойчивую и тревожную тенденцию: более 60% преступлений совершается лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности. Это свидетельствует о том, что существующая система исполнения наказаний недостаточно эффективна с точки зрения достижения целей уголовного наказания в виде лишения свободы.

Во-вторых, существует прямая корреляция между уровнем постпенитенциарного рецидива и качеством системы социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Ключевыми факторами, провоцирующими рецидив, являются проблемы, с которыми сталкиваются бывшие осужденные (невозможность трудоустройства, отсутствие жилья, отсутствие социальных связей).

В-третьих, существует тесная связь между экономическим положением бывших осужденных и их криминальной активностью в постпенитенциарный период. Это следует из результатов анализа структуры рецидивной преступности, где преобладают преступления против собственности. Отсюда следует, что основное внимание в период постпенитенциарной адаптации следует уделять экономической реинтеграции бывших осужденных как ключевому фактору предупреждения рецидива.

В-четвертых, постпенитенциарный рецидив является ключевым показателем эффективности лишения свободы как вида уголовного наказания, однако его оценка должна включать факторы социальной адаптации и ресоциализации осужденных. Постпенитенциарный рецидив не может рассматриваться как абсолютный показатель эффективности лишения свободы без учета факторов постпенитенциарной адаптации.

Оценка эффективности уголовного наказания в виде лишения свободы требует комплексного подхода, учитывающего как пенитенциарные, так и постпенитенциарные факторы. Данный вывод имеет существенное значение для развития методологии оценки эффективности уголовных наказаний и может служить основой для разработки новых критериев оценки деятельности уголовно-исполнительной системы.

Библиография

1. Авдеев В.А. Эффективность уголовного закона в контексте глобализации права // Всероссийский криминологический журнал. 2013. № 4. С. 5-17.
2. Анисимков В.М. Сроки наказания в виде лишения свободы, проблема их оптимизации // Человек: преступление и наказание. 2013. № 1 (80). С. 78-83.
3. Анфиногенов В.А. Сущность наказания в виде лишения свободы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 9. С. 15-17.
4. Базаров Р.А., Воропаев С.А. О некоторых аспектах эффективности механизма уголовно-правового регулирования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 2. С. 39-44.
5. Бикситова Б.С. Эффективность исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы (по материалам Оренбургской области): дис. ... канд. Юрид. наук. Бишкек, 2006. 178 с.
6. Бытко С.Ю. Критерии эффективности уголовного наказания // Вестник СГЮА. 2015. № 5 (106). С. 149-152.
7. Бытко С.Ю. Эффективность уголовного наказания за преступления в сфере экономической деятельности // Актуальные проблемы противодействия преступности в кризисном обществе: материалы Международной научно-практической конференции. Челябинск: Изд-во «ПолиграфМастер», 2010. С. 91-95.
8. Варыгин А.Н., Бытко С.Ю. Некоторые методологические вопросы оценки эффективности предупредительного воздействия уголовных наказаний // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 43. С. 146-177.
9. Дворецкий М.Ю. Критерии эффективности уголовной ответственности // Вестник ТГУ. 2008. № 12. С. 582-585.
10. Кальченко А.И. Эффективность лишения свободы как наиболее строгого вида наказания // Научно-

- образовательные дискуссии: фундаментальные и прикладные исследования: материалы XXX Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Ростов-на-Дону, 14 апреля 2021 года. Часть 2. Ростов-на-Дону: Южный Университет (ИУБиП), ООО «Издательство ВВМ», 2021. С. 133-136.
11. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2020 года // МВД РФ: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184>.
 12. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // МВД РФ: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552>.
 13. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года // МВД РФ: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677>.
 14. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года // МВД РФ: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751>.
 15. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – апрель 2024 года // МВД РФ: сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/50761212>.
 16. Кузнецов А. Роль нормы уголовного права в предотвращении преступности // Советская юстиция, 1981. № 10. С. 4-11.
 17. Маслов В.А. Доминирование лишения свободы в структуре назначаемых наказаний: проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3 (148). С. 131-145.
 18. Минская В.С. Уголовная ответственность за коррупционные преступления // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2009. № 14. С. 55-60.
 19. Минюст заявил, что до 43% отбывших наказание в течение 3 лет совершают новое преступление // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19470931>.
 20. Наташев А.Е. Основы теории исправительно-трудового права. М., 1967. 190 с.
 21. Поздняков В.М. Психологические проблемы ресоциализации осужденных с длительными сроками лишения свободы // Международный пенитенциарный журнал. 2017. Т. 3. № 1. С. 38-40.
 22. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год: отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания. Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690>.
 23. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год: отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>.
 24. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год: отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>.
 25. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год: отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений УК РФ // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690>.
 26. Стромов В.Ю. Цели наказания и совершенствования эффективности их реализации // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 4. С. 443-450.
 27. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 2: Логика правового исследования (Как написать диссертацию). М., 2004. С. 263-264.
 28. Тарбагаев А.Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2014. №4. С. 75-82
 29. Грунцевский Ю. В. Цели наказания лишением свободы // Вестник Югорского государственного университета. 2021. № 4(63). С. 120-125.
 30. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Портал «Судебная статистика РФ». URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>.
 31. Филоненко Т. В. Постпенитенциарный рецидив как показатель эффективности деятельности исправительных учреждений и наказания в виде лишения свободы // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 4. С. 121-135.
 32. Филоненко Т.В. Проблемы учета постпенитенциарного рецидива // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 4 (39). С. 193-201.
 33. Фролова С.М. Понятие эффективности исправительных работ применительно к несовершеннолетним осужденным // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 54. Томск, 2012. С. 57-58.
 34. Хараев А.А. Некоторые проблемы цели наказания в виде лишения свободы на определенный срок // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 10. С. 80-87.
 35. Цепелев В.Ф. О подходах к оценке эффективности уголовной политики // Труды Академии управления МВД России. 2014. № 2 (30). С. 9-14.
 36. Шамсунов С.Х., Егоров В.А., Корнев А.С., Новиков А.В. Постпенитенциарный период как эффективный механизм в социальной адаптации осужденных // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11.

№ 6А. С. 102-110.

37. Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. Л., 1973. 160 с.

38. Южанин В.Е. О сущности и содержании изоляции осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1(23). С. 5-9.

39. Яковлев А.М. Об эффективности исполнения наказания // Советское государство и право. 1964. № 1. С. 99-103.

Post-penitentiary recidivism as an indicator of the effectiveness of criminal punishment in the form of imprisonment

Tat'yana V. Filonenko

PhD in Law,
Dean of the Faculty of Professional Retraining and Advanced Training,
Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
690091, 8 Sukhanova str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: Filonenko@mail.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive analysis of post-penitentiary recidivism as an indicator of the effectiveness of criminal punishment in the form of imprisonment. The research examines the theoretical aspects of the goals of criminal punishment, analyzes statistical data on recidivism, identifies the main problems in the field of penal enforcement and post-penitentiary adaptation of convicts. The author aims to assess the relationship between the effectiveness of imprisonment as a type of criminal punishment and the level of post-penitentiary recidivism, as well as to develop recommendations for post-penitentiary support for persons released from prison. The methodological basis of the research consists of general scientific and special methods of cognition, including the analysis of normative legal acts, statistical analysis, comparative legal method and the method of system analysis. As a result of the study, the author comes to the conclusion that post-emergency relapse is a key indicator.

For citation

Filonenko T.V. (2024) Postpenitentsiarnyi retsidiv kak pokazatel' effektivnosti ugovnogo nakazaniya v vide lisheniya svobody [Post-penitentiary recidivism as an indicator of the effectiveness of criminal punishment in the form of imprisonment]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (11A), pp. 472-484.

Keywords

Post-penitentiary recidivism, effectiveness of imprisonment, post-penitentiary adaptation, criminal punishment, purposes of criminal punishment.

References

1. Anfinogenov V.A. (2018) The essence of punishment in the form of imprisonment. *Humanitarian, socio-economic and social sciences*, 9, pp. 15-17.
2. Anisimkov V.M. (2013) Terms of punishment in the form of imprisonment, the problem of their optimization. *Man:*

- crime and punishment*, 1 (80), pp. 78-83.
3. Avdeev V.A. (2013) The effectiveness of criminal law in the context of the globalization of law. *All-Russian Criminological Journal*, 4, pp. 5-17.
 4. Bazarov R.A., Voropaev S.A. (2017) On some aspects of the effectiveness of the mechanism of criminal law regulation. *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2, pp. 39-44.
 5. Biksitova B.S. (2006) *Efficiency of execution of criminal punishment in the form of imprisonment (based on the materials of the Orenburg region)*. Doct. Diss. Bishkek.
 6. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2020. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: website*. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/22678184>.
 7. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2021. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: website*. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/28021552>.
 8. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2022. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: website*. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/35396677>.
 9. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2023. *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: website*. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/47055751>.
 10. Brief characteristics of the state of crime in the Russian Federation for January – April 2024 // *Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: website*. Available at: <https://мвд.рф/reports/item/50761212>.
 11. Bytko S.Yu. (2015) Criteria for the effectiveness of criminal punishment. *Bulletin of SGLA*, 5 (106), pp. 149-152.
 12. Bytko S.Yu. (2010) Efficiency of criminal punishment for crimes in the sphere of economic activity // *Actual problems of combating crime in a crisis society: materials of the International scientific and practical conference*. Chelyabinsk: Publishing house "PoligrafMaster", pp. 91-95.
 13. Consolidated Statistical Information on the State of Criminal Records in Russia for 2023: Report on the Number of Persons Brought to Criminal Liability and Types of Criminal Punishment. *Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: website*. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690>.
 14. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2021: a report on the characteristics of the crime, its recidivism and repeatability by the number of those convicted of all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation. *Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: website*. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121>.
 15. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2022: a report on the characteristics of the crime, its recidivism and repeatability by the number of those convicted of all crimes of the Criminal Code of the Russian Federation. *Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: website*. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649>.
 16. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for 2023: a report on the characteristics of the crime, its recidivism and repeatability by the number of those convicted of all types of crimes under the Criminal Code of the Russian Federation. *Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation: website*. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690>.
 17. Criminal proceedings. Data on the punishment imposed under the articles of the Criminal Code. *Portal "Judicial Statistics of the Russian Federation"*. Available at: <https://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17>.
 18. Dvoretzky M.Yu. (2008) Criteria for the effectiveness of criminal liability. *Bulletin of TSU*, 12, pp. 582-585.
 19. Filonenko T.V. (2022) Post-penitentiary recidivism as an indicator of the effectiveness of correctional institutions and punishment in the form of imprisonment. *Asia-Pacific region: economics, politics, law*, 4, pp. 121-135.
 20. Filonenko T.V. (2023) Problems of accounting for post-penitentiary recidivism. *Law and order: history, theory, practice*, 4 (39), pp. 193-201.
 21. Frolova S.M. (2012) The concept of the effectiveness of correctional labor in relation to juvenile convicts. *Legal problems of strengthening the Russian statehood*. Part 54. Tomsk, pp. 57-58.
 22. Kalchenko A.I. (2021) The effectiveness of deprivation of liberty as the most severe type of punishment. *Scientific and educational discussions: fundamental and applied research: materials of the XXX All-Russian scientific and practical conference*. In 2 parts, Rostov-on-Don, April 14, 2021. Part 2. Rostov-on-Don: Southern University (IUBiP), OOO "VVM Publishing House", pp. 133-136.
 23. Kharaev A.A. (2016) Some problems of the purpose of punishment in the form of imprisonment for a certain period. *Society: politics, economics, law*, 10, pp. 80-87.
 24. Kuznetsov A. (1981) The role of the criminal law in preventing crime. *Sovetskaya yustitsiya*, 10, pp. 4-11.
 25. Maslov V.A. (2023) The dominance of imprisonment in the structure of imposed punishments: problems of law enforcement practice. *Actual problems of Russian law*, 3 (148), pp. 131-145.
 26. Minskaya V.S. (2009) Criminal liability for corruption crimes. *Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation*, 14, pp. 55-60.
 27. Natashev A.E. (1967) *Fundamentals of the Theory of Correctional Labor Law*. Moscow.
 28. Pozdnyakov V.M. (2017) Psychological Problems of Resocialization of Convicts with Long Term Prison Terms. *International Penitentiary Journal*, 3(1), pp. 38-40.

29. Shamsunov S.Kh., Egorov V.A., Kornev A.S., Novikov A.V. (2021) Post-penitentiary period as an effective mechanism in the social adaptation of convicts. *Issues of Russian and international law*, 11 (6A), pp. 102-110.
30. Shargorodsky M.D. (1973) Punishment, its goals and effectiveness. L., 160 p.
31. Stromov V.Yu. (2006) The goals of punishment and improving the effectiveness of their implementation. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 4, pp. 443-450.
32. Strykh V.M. (2004) *Logical foundations of the general theory of law: in 2 volumes. Volume 2: Logic of legal research (How to write a dissertation)*. Moscow, pp. 263-264.
33. Tarbagaev A.N. (2014) Problems of the effectiveness of the punishment system in Russian criminal law. *All-Russian Criminological Journal*, 4, pp. 75-82
34. The Ministry of Justice stated that up to 43% of those who served their sentences commit a new crime within 3 years. *TASS: website*. Available at: <https://tass.ru/obshchestvo/19470931>.
35. Truntsevsky Yu.V. (2021) Goals of punishment by imprisonment. *Bulletin of the Yugra State University*, 4 (63), pp. 120-125.
36. Tsepelev V.F. (2014) On approaches to assessing the effectiveness of criminal policy. *Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2 (30), pp. 9-14.
37. Varygin A.N., Bytko S.Yu. (2019) Some methodological issues of assessing the effectiveness of the preventive impact of criminal punishments. *Bulletin of Perm University. Legal sciences*, 43, pp. 146-177.
38. Yakovlev A.M. (1964) On the effectiveness of execution of punishment. *Soviet state and law*, 1, pp. 99-103.
39. Yuzhanin V.E. (2016) On the nature and content of isolation of persons sentenced to imprisonment // *Criminal-executive law*, 1 (23), pp. 5-9.